

Яна Чингизова-
Позднякова

Жизнь Колдуна

Книга первая

Яна Чингизова-Позднякова
Жизнь Колдуна. Книга 1

«Автор»

2026

Чингизова-Позднякова Я.

Жизнь Колдуна. Книга 1 / Я. Чингизова-Позднякова — «Автор»,
2026

Эта добрая, веселая книга о Колдуне Тимофее Филипповиче увлечет простыми историями, в которых волшебство живет рядом — привычное и доступное. А тем, кому нужна помощь, достаточно добраться до деревни Осинниково — и все будет хорошо! Каждый рассказ станет новым открытием в Мире деревенского чародея, который старается помочь несчастным и наказать злых. Славная, хорошая повесть затронет сердце и расскажет много интересного.

© Чингизова-Позднякова Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Рассказ первый. Волчица	5
Рассказ второй. Невеста	11
Рассказ третий. Господин из аптеки	16
Рассказ четвертый. Конкуренты	21
Рассказ пятый. Ответственный работник	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Жизнь Колдуна. Книга 1

Рассказ первый. Волчица

Девушка была совершенно обнажена. И абсолютно беспомощна. Забившись под низкие еловые ветви, сжавшись в комочек, она могла только хлопать ресницами и таращить карие глаза. Колдун склонился к ней и, бесцеремонно вытащив на свет Божий, поднял ее на руки.

«Отпусти!» — шепот не произвел на мужчину никакого действия. Он покосился на девушку и ускорил шаг увидев, что та потеряла сознание.

Когда она очнулась вновь, долго не могла понять, где находится. Над ней была довольно высокая крыша, а вместо стены — решетка из обтесанных тонких стволов молодых сосен. С других сторон стены сплошные, из досок. Похоже, это был дровяник — в углу виднелась довольно приличная поленница колотых дров. С трудом повернувшись на бок, девушка почувствовала, что теперь на ней что-то надето. Скосив глаза она с интересом рассмотрела мужскую рубаху из довольно грубой ткани, длинную и широкую. Собравшись с силами, обитательница дровяника потихоньку подползла на четвереньках к решетке и выглянула во двор. Давешний спаситель находился поблизости и был занят делом — колол дрова. Колдун мерно поднимался, потом резко врзался в чурбак, разваливая пополам.

Почувствовав взгляд гостьи Колдун обернулся, покрутил в руке топориче, бросил инструмент и направился к ней. Подойдя, присел на корточки, оказавшись примерно на одном уровне со стоящей на четвереньках девушкой.

— Где я? — она села и вцепилась руками в ограждение. Колдун огляделся вокруг, как будто сам пытался понять, где находится.

— В дровянике, — хмыкнул в ответ.

— А где этот дровяник? — с ехидцей спросила собеседница.

— В моей усадьбе, вестимо, — с не меньшим ехидством ответил мужчина. Девушка приблизилась к прутьям:

— Выпусти меня! — не то попросила, не то приказала она.

— Счас, разбежался! — ответил Колдун, разглядывая ее бледное лицо.

— Ты что, боишься? — в карих глазах зажглись звериные огоньки. — Не нужно! Полнолуние было прошлой ночью, сейчас я не опасна.

Мужчина засмеялся весело и беззаботно:

— Ты эти сказки кому-нибудь расскажи! — посоветовал он. — Знаю я вас, оборотней — наплетете дурачкам про полнолуние, а потом в глотку вцепитесь. Кровушки попить да мясцом закусить. Нет уж, звезда моя! Сиди тихо! Счас зайчатинки тебе принесу жареной, а больше — извини, не богат, — он легко поднялся и отправился к дому.

Вернувшись, протянул пленнице тарелку с крышкой, что позволила протащить ее между прутьев, кусок хлеба и баклажку с питьем. Девчонка впиалась голодными зубами в жаркое, чуть ли не урча. Спросила с набитым ртом:

— А ты откуда про нас знаешь, м-м-м?

— Долго живу, — коротко ответил Колдун и вернулся к колке дров. Вечером, принеся ужин он оглядел повеселевшую гостью и сказал:

— Будешь хорошо себя вести — через пару дней отпущу домой.

— И что, я эти дни в твоей клетке сидеть буду? — спросила девчонка.

— А чего тебе сделается? — удивился хозяин. — Сухо, сытно. Вон в том уголке удобства.

— Да нашла уж! — буркнула она, смутившись.

— Угу. Посидишь, в себя придешь, чем плохо?

— Да ты меня выпусти, я тебя не трону! — просительно протянула пленница.

— Ну, предположим, меня тронуть не так просто, — улыбнулся мужчина, — и взаперти я тебя держу от твоей же глупости. Ты бросишься, а я тебя скручу энергетически. Это тебе не обращение в волчицу, это похлеще! Потом недели две отлеживаться будешь. А мне оно надо? У меня люди приходят больные, несчастные, не до тебя!

— Люди! — оборотница скривила губы. — Чего ты с ними возишься? Слабые, глупые....

— Потому и вожусь, что слабые и глупые, — ответил Колдун. — Если бы все были сильные и умные, как ты, я давно бы на елке повесился.

Девчонка вытаращила глаза:

— Почему?

— По кочану! — сердито буркнул собеседник. — Ты кто? Зверь! И живешь по-звериному! Какой от тебя прок-то? Ни Души, ни любви, ни духовности. Одна жажда убийства. Скучно это.

— Ну, что уж так-то? Есть и другая жажда! — она облизала губы и недоуменно застыла. Колдун сморщился, словно укуса хватанул:

— О-о, вот только соблазнять меня не надо! Ты уж извини, но я на твое тело не поведусь! — и добавил, — больно уровень низковат у таких развлечений.

Оборотница с досадой отвернулась:

— Ну и ладно! Уровень низковат! Подумаешь!

Колдун рассмеялся и отошел.

День тихо клонился к концу, когда из леса на узкой дороге послышался скрип колес и буханье от лошадиных подков. Хозяин вышел из избы во двор, со всех сторон за забором окруженный многовековыми деревьями и торопливо направился к воротам.

— Батюшко, открой! — закричали с той стороны. Девушка в своей клетке скривила губы: «Батюшко!» — и отползла к поленнице.

— Батюшко, уж смилуйся, помоги! — Колдун сбросил засов, запирающий ворота, открыл створки и махнул, дескать, заезжай, но смирная саврасая кобылка, впряженная в телегу, неожиданно заартачилась, захрапела, начала заворачивать прочь.

— Чей-та? Ты каво ерепенишься-то? Но! — крикнул пожилой возница.

— погоди, старче! — остановил его хозяин. — Не сердчай! У меня там волчица, — он махнул рукой в сторону дровяника. — Кобылка твоя звериный дух чувствует и нейдет!

— А зачем ты волчицу в ограде держишь? — удивился старик. — Стрельнул бы ей промеж ушей и дело с концом!

«Волчица» в клетке оскалила зубы, но вспомнив, что обличие у нее сейчас человеческое, отвернулась и сплюнула: «Скоты! Голову бы вам отгрызть!».

Колдун тем временем, хмыкнув, ответил:

— Нельзя! Заколдованная она! Вот расколдую, тогда поглядим!

— Эко! Ну да тебе, батюшко, лучше знать! Че с лошадьё-то делать? У меня бабка моя на телеге, — ткнул пальцем назад, — пешком не дойдет!

— погоди, сейчас! — взяв саврасую под уздцы, Колдун провел возле морды рукой и кобылка, захлопав глазами, чуть повесила голову и, полусонная, послушно потащила телегу во двор. Остановившись, она совсем опустила морду так, что кудлатая грива свисла почти до земли и впала в дрему.

Хозяин меж тем, подойдя к телеге, отодвинул старенькое лоскутное одеяло и взглянул на лежащую старушку:

— Здравствуй, мать! Ну, чего ты опять разболелась? Давай-ка подправим тебя! — и, добродушно улыбнувшись, легко поднял ссохшуюся от возраста пожилую женщину и отправился к дому, где дед суетливо отворял двери.

Войдя в избу, Колдун прошел в комнату и аккуратно уложил больную на небольшой диванчик. Его руки несильно сжали бабушке плечи и замерли. Минуту он сидел неподвижно потом, резко выдохнув, распрямился:

— Дед! Подь-ка сюды! — позвал он.

— Чего? — откликнулся дедок, подходя ближе.

— Ты, старый, почему меня не слушал, а? — прищурился глазом, тихо спросил хозяин. Дедок пригнул голову и стрельнул глазами к двери:

— Чей-та не слушал? — проблеял он.

— Чей-та?! — загремел Колдун. — Отвар не поил, а? Лень было или на старческую забывчивость свалить решил? Так зря не старайся! Я тебе склероз еще в прошлом году упразднил, так что не пройдет! Ну? — уставился он на собеседника.

— Дык чего, мил-человек, — заюлил виноватый, — ить покос! Скотина на мне опять же ж, када с травками-то бегать?

— Я тебе счас устрою несварение... опять же ж! — наступал на деда Колдун. — Побегаешь в лопухи, может время и найдется!

— Ты... батюшко... — отступал несчастный старец, — ты... ну, зачем уж так-то? Я ить...

— Ты ить! Ты утром чай пьешь? А? Отвечай! — пуще прежнего разошелся лекарь.

— Дык и, пью... — признался ответчик.

— А чего, лишнюю кружку кипятком залить пуп развязался? Или от старухи своей... — Колдун кивнул в сторону больной, — ...избавиться решил, чтоб молодку в дом привести?

Со стороны дивана послышался негромкий клекот. Бабка, немного ожившая после энергетической подпитки, тихо смеялась над растерявшимся мужем, который стоял навтыжку, вытаращив глаза на лекаря. Колдун хмыкнул:

— Еще раз услышу, борода, что лечение не проводишь — самого на тот свет спроважу! Иди, кобылу свою буди и телегу разворачивай! — дед испарился мгновенно.

Оборотница в это время разглядывала двор от нечего делать. Все выглядело почти так, словно на дворе век семнадцатый, а не двадцать первый. Деревянный дом с наличниками у окон. Крылечко с деревянной же кадкой под сливом. Забор из стоячих бревен. Вот только из открытых ворот сарая казался мощный бок чёрный «Чероки», не новый, запыленный, но вполне солидный да на крыше весело поблескивали на солнце солнечные батареи, что в этом, поистине медвежьем углу было делом невиданным! Вокруг на много километров стояла тайга, а поселочки были маленькие, древние, без всякой цивилизации.

Девушка вздохнула. Она-то, ладно, тут бродит — ей с ее «особенностями» волей-неволей в леса убежать приходится. Не в городе же в волчицу оборачиваться! А вот зачем он тут живет — загадка! Молодой симпатичный мужик. Знахарь, колдун, каких поискать — слыхала она о нем разговоры. Мог бы жить, как у Христа за пазухой, деньгу заколачивать, а он тут.

«Видно уровень низковат!» — съязвила она про себя и, захихикав, опять уставилась во двор, где около лошаденки уже суеился дедок. Вскоре вышла и бабка под ручку с Колдуном. Волчица покачала головой:

«Силен! Ты погляди, в полчаса старуху на ноги поставил!».

Когда посетители с поклонами и благодарностями уехали, девчонка постучала поленом по решетке, привлекая внимание. Мужчина, задумчиво бредущий в дом, оглянулся и подошел:

— Чего тебе?

— Я сколько сидеть-то тут буду? Уже отошла, оправилась! Скучно! — протянула девушка и хозяин почесал щеку:

— Ну, хочешь книжку принесу? — реакция была настолько бурной, что Колдун невольно отшатнулся. Девушка, сидевшая секунду назад на полу, взвилась на ноги и, вцепившись в решетку одной рукой, другой попыталась ухватить его за рубаху.

— Ого! — смерил он ее взглядом. — Видать и впрямь оправились! Жалко дурь из головы не выветрилась! Некогда мне с тобой сегодня лясы точить. Вот завтра солнышко встанет, тогда и тобой займусь!

— Я тебя убью! Достану и убью! — выдохнула пленница. Хозяин по-платоновски поднял палец вверх:

— Дак сначала достань, щеня! — и ушел в дом.

Темнота наступала медленно и величаво. Птицы потихоньку смолкали и мир, натрудившись, готовился ко сну. Из клетки слышалась возня, на которую ходивший по двору Колдун не обращал внимания. За решеткой вместо миловидной девчонки ярилась лютая волчица. Она набрасывалась на стену, впивалась зубами в деревянное ограждение и тут же с визгом отскакивала. Видимо, Колдун, заранее предусмотрев попытки перегрызть загородку, перекрыл выходы еще и энергетически и «отрицательный заряд» раз за разом бил упорную зверюгу не причиняя, впрочем, серьезного ущерба.

Когда совсем стемнело, мужчина вышел из дома с какими-то свертками, погрузил их в машину и, открыв ворота, выехал из ограды. Остановившись снаружи, он выбрался из салона и принялся ворота закрывать. Волчица завывала. Уезжающий обернулся, слегка поклонился, положив руку на грудь и, насвистывая, вышел через калитку.

Вернулся он ближе к утру, уже немного отзаривало. Молчаливый и усталый, поставил свое авто на место и приблизился к клетке. На подстилке из щепок снова лежала обессиленная девушка:

— Успокоилась? — помолчав, спросил хозяин.

— Да иди ты! — она не смотрела на него.

— Ну, чего ты злишься, щеня? Сейчас... — он сходил в дом и принёс ей новую порцию жаркого. Оборотница сморщилась:

— Не могу я это есть! Ты бы хоть жарил не очень! Нельзя что ли с кровью приготовить? Колдун, добродушно выслушав упреки, протиснул тарелку и ответил:

— Ничто! Пережужешь! Здесь не ресторан.

— Чего ты меня одним мясом кормишь? — продолжила возмущаться пленница. — Не бога-а-ат! Тебе больные что, не платят?

— Платят, — кивнул Колдун.

— Ну и нельзя еды поразнообразней купить? — рявкнула собеседница.

— А зачем? — склонил голову набок мужчина.

— Что значит «зачем»? — совсем вышла из себя девчонка. — Тебе что, еда не нравится вкусная?

— А чем эта не вкусная? — удивился Колдун. — Мясо, хлеб, чай... могу масла и вареньица на кусочек помазать, хочешь?

— Сам жри свое варенье! — взвыла оборотница.

— Да чего, сожру, не подавлюсь! — хмыкнул собеседник. — Ладно, пойду я, посплю чуток, а потом тебя расколдовывать возьмусь, — зевнул он.

— Ты это про что? — сощурилась волчица.

— Про то самое! — ответил Колдун. — Я, как оборотня подберу, браслетик ему одеваю, чтоб на людей нападать не мог, и тогда — гуляй, щеня, не держу!

— Я твой браслетик сорву и выкину! — прорычала пленница.

— Ага-ага! — покивал Колдун. — Как скажешь!

— Ты еще сумей его надеть! Я тебе сто раз глотку перегрызу! — она, приподнявшись, клацнула зубами, в очередной раз забыв, что клыков у нее сейчас нет и выглядит она невероятно забавно. Колдун не выдержал и расхохотался:

— Чего там уметь? — выдал он. — Раз еду не принесу, ну или два, ты сама лапку вытянешь! Вы же, оборотни, всегда голодные, как..., — он лукаво взглянул ей в глаза, — ...волки!

Девчонка зарычала и встав, проковыляла в угол, схватила полено и неуклюже швырнула в тюремщика. Деревяшка несильно стукнула о решетку и безбидно упала вниз.

— Ну и темперамент у тебя, щеня! — восхитился мужчина. — Прямо взрывной! Ладно, пошел я. А то мне потом все дрова обратно складывать придется! — и отправился в дом.

Девчонка молча бродила по клетке придумывая, как сбежать. В голову ничего не приходило. Внезапно она замерла:

«Ох, ты черт! Как же я сразу-то?» — поглядев по сторонам, она присела, свернувшись в комочек и спустя мгновение с земли вскочила уже серая лесная хищница. Некоторое время она постояла, тяжело поводя боками и встряхивая головой от болезненных и неприятных ощущений, а затем, обойдя помещение по периметру, принялась усердно копать землю, покрытую щепой и опилками, около стены. Почва была мягкой, работа спорилась и волчица даже повизгивала от нетерпения, как вдруг... земля под сильными лапами просела и заворочалась. Хищница от неожиданности отпрянула и присела, невольно ошестинившись. Она во все глаза смотрела в яму, где, наполовину скрытое землей и мусором двигалось что-то ужасное. Длинное, гладкое тело не то огромной змеи, не то какого-то допотопного чудища, возилось и, казалось, вот-вот покажется жуткая голова и тогда... волчица отползла еще дальше, потом вовсе забилась в угол, дрожа и тихонько скуля. Но из ямы никто не вылез. Просидев, казалось, целую вечность, серая хищница встала и, переборов страх, тихонько подошла к яме. Там никого не было. Скользящая тварь, наверное, уползла в какой-то ход. Подумав, оборотница перекинулась в человека и, охая, немедленно забралась на поленицу.

Когда Колдун вышел во двор, день уже разгулялся вовсю. Мужчина поглядел по сторонам, с удовольствием потянулся и пошел к клетке. Разглядев, что гостя сидит, поджав ноги, на дровах, он заулыбался и, поискав глазами, обнаружил неудавшийся подкоп:

— Что, со змейкой играла? — ехидно протянул он.

— Я тебя убью! — как заведенная твердила девушка. — И тварь эту тоже!

Колдун покивал:

— Подойди, щеня! При мне она тебя не тронет! — позвал он.

Девчонка неуклюже слезла на пол и на непослушных, затекших ногах подхромала к решетке:

— Чего? — угрюмо буркнула она.

— Надо же, какое послушание! — съехидничал Колдун. — А говорят, волки дрессуре не поддаются!

— Сволочь! — заорала пленница и стукнула кулаками в решетку. — Я тебя убью! Я тебя... — она поперхнулась и закашлялась.

— Да ладно, слышал уж! Я чего хотел-то — браслет будем надевать или как? — уставился хозяин на нее.

— Да я сдохну лучше, понял? — рывкнула та. Колдун вытянул губы:

— Дело твое! Хочешь еще ночь на дровах пятую точку отсиживать — пожалуйста!

Оборотница смотрела затравленно и, вместе с тем, злобно.

— Ну, чего решила? — поторопил Колдун.

— Я придумаю, как его снять и потом приду и убью тебя, слышишь? — с ненавистью прошипела она.

— Слышу, слышу! — голосом Зайца из «Ну, погоди!» ответил мужчина и выжидательно поднял брови. Через решетку просунулась рука и вдруг отдернулась:

— Это больно? — испуганно прошептала девушка.

— Нет! Не бойсь, щеня — солдат ребенка не обидит! — выдал Колдун мудрость из старой повести о войне и, взяв девчонку за вновь протянутую руку, защелкнул на ее запястье металлическое кольцо.

Пленница некоторое время смотрела на него, а потом подняла глаза:

— Ну, что? Теперь-то выпустишь? — и вдруг вздрогнула. Браслет на руке, внезапно ожив, крутанулся и прямо на глазах так, будто тело ее состояло из воды ушел внутрь руки.

— Что это такое?! — взвизгнула она.

— А это чтобы не сняла! — пояснил Колдун и прошел к двери дровяника. Она находилась вблизи ямы с чудовищем и оборотнице пришлось совершить над собой усилие, чтобы шагнуть мимо. Выбравшись из клетки, она покосилась на своего тюремщика и спросила:

— А что это за мразь там живет?

— Где? — приподнял брови Колдун.

— Ну, как где? — раздраженно дернула плечиком волчица. — В клетке!

— Ты это про себя что ли? — склонив голову набок, поинтересовался хозяин.

— Ты!!! — девушка почувствовала такую злость, аж дыхание перехватило и не справилась с собой:

— Я про змеюку твою! — заорала она.

— А-а! — «вспомнил» собеседник и заулыбался. — Такая большая, а в сказки веришь!

— Что?! — опять задохнулась пленница.

— То! — выдал в ответ Колдун. — Гипноз это, щеня! Для таких сильных и умных, как ты. Тебя до дома-то довезти? — неожиданно спросил он.

— Я...я...я... — она смотрела на него дикими глазами, не в силах закончить фразу.

— Ты меня убьешь, я помню, не переживай! Так что, машину выгонять? — спросил Колдун и моргнул — перед ним вместо девушки стояла лютая хищница. Оскаленная, взъерошенная и жуткая. Мужчина с любопытством разглядывал это чудо и, когда она сделала шаг, погрозил пальцем:

— Не надо, щеня! Не делай глупостей! А то зубы выпадут! — но волчица взвилась в воздух в попытке вцепиться в горло. Колдун чуть отстранился, даже не подняв рук, а зверюга грохнулась в шаг от него, громко завизжав. Через секунду рядом каталась девчонка, сжимавшая челюсти руками:

— А-а-а! А-а-а! Что ты сделал? А-а-а! — рыдала она. Мужчина присел рядом с ней и погладил по спутанным волосам:

— Я ж говорил, зубы заболят коли будешь на людей бросаться, а ты не поверила. А если и дальше не перестанешь, то и вовсе выпадут. Какой из тебя тогда волк? Лучше на зайчиков охоться или козочек там! — добавил он.

— Сволочь! Сволочь! Ненавижу! — страдальца медленно поднялась.

— Ну, ладно! Это я переживу как-нибудь. — протянул собеседник. — Пойду за машиной, что ли... — он шагнул к сараю, но девчонка, присев, вновь обратилась в серую хищницу и, рывкнув в его сторону, мощными прыжками пролетела двор и вымахнула через ограду.

«Вот глупая! Ведь калитка же есть!» — вздохнул Колдун, поднял оставшуюся от гостыи рубаху с земли и вернулся в дом.

Рассказ второй. Невеста

Наступила весна. Колдун сидел на крылечке своего дома и подставлял теплему солнышку заросшее щетиной лицо. Бриться сегодня было лень. И, вообще, что-то делать тоже было лень. Так бы и сидел до скончания века, птичек слушал да не вышло. За воротами слышался топот. Кто-то скакал верхами.

«Эх, жизнь поломатая!» — вздохнул страдалец, встал и побрел открывать.

Гостем оказался мужичок лет сорока, знакомый хозяина из далекой деревеньки на восемь дворов:

— Здрав будь, Сергеич! — поздоровался Колдун.

— Здравствуй, здравствуй! — торопливо заговорил наездник, спрыгивая с седла.

— Заболел, что ли? — пригляделся к гостю хозяин.

— Не я, не я заболел! — зачастил пришлец. — Дочурка моя захворала! Кашляет, огнем горит! В город везти боимся — кому она там нужна? А домашнее ничего не помогает! Что делать не знаем! — всхлипнул мужичок и торопливо отер глаза рукавом. Колдун поднял брови:

— Так чего ты ее сюда не привез? — спросил он. — Время теряешь!

— Да мы это... — запнулся отец. — У нас, сам знаешь, скотины полный двор. Я один, без бабы, не справлюсь! Да ребятня мал-мала меньше, им тоже обиход нужен! Да родители старенькие! Чего ее, Маньку-то, одну к тебе везти? У тебя, поди, и без нее дел? — вопросительно взглянул он и добавил. — Может ты к нам приедешь, подлечишь, а?

Колдун нахмурился, потом покачал головой:

— Не, Сергеич, так не пойдет! Подлечить-то я могу, только ей потом восстанавливаться надо, отвары пить, ингаляции делать...

— Чаво? — мужик подался вперед.

— Долечиваться, говорю, потом нужно, а в вашей кутерьме то то забудете, то это не успеете — только хуже будет! — подвел итог лекарь.

— Так чаво же делать-то, а? — совсем сник гость.

— Давай-ка, коня пока во дворе привяжи да съездим на моей таратайке, — начал излагать план Колдун. — Девчонку привезем, а ты домой верхами уедешь. Не помру я, поди, неделю понянчусь! — улыбнулся немного хмуро и добавил, — я защиту с усадьбы для тебя уберу, чтобы ты мог в любое время к дочке наведаться!

— А, ну так сейчас я, мигом! — пуще прежнего засуетился мужик, заводя жеребчика в ограду. Колдун тем временем выгонял на улицу свой вездеход.

Ехали не очень быстро — дорога была ухабистой. По пути обсудили то да се.

— А где она простыла-то? — вдруг спросил лекарь. Сергеевич горестно махнул рукой:

— Да она, коза, знаешь же какая? Семи лет ишшо нету, а уже невеста! Увидела в какой-то журнале деваху, что в море в купальнике стоит, ну и в нашу Осиновку забралась перед мальчишками! Это в апреле-то!

Колдун представил эту картину — худосочная, светловолосая, вечно косматая и сопливая Манька, в старом платьишке, без чулок, в соблазнительной позе стоит по колено в грязной, с замусоренными берегами, полудохлой речушке и непочтительно хмыкнул. Отец покосился на него и, несмотря на серьезность болезни, тоже не удержался от смеха:

— Ты гляди! Она тебе еще устроит, как оживет! Невеста! — подколот он.

— Без места, — усмехнулся Колдун. — Ладно, совладаю как-нибудь!

Девчонка была настолько плоха, что даже глаз не открыла, пока ее кутали в одеяло и переносили в машину. Мать, провожая, всхлипывала. Знахарь уверил, что дочка поправится и сел за руль. Отец, пристроив на пол сумку с вещичками, по-прежнему суетливо забрался рядом с водителем.

Привезя ребенка и устроив его в спальне, Колдун, проводив родителя, взялся за лечение. Подпитав девочку энергетически, он занялся отварами, горчичниками и настоями. Зайдя в спальню, включил ночник, чтобы свет не резал больной глаза и положил ладонь ей на лоб. Жар спадал. Организм начинал усиливаться. Это хорошо! Девочка очнулась и невидяще повела глазами:

— Папа?

— Я не папа, милая. Я врач. Не бойся! Вот, попей, — он приподнял ей голову и поднес ко рту лекарство. Девчонка сморщилась:

— Горькое!

— Зато действенное! — уверил Колдун. — Как ты? Горло болит?

— Нет, в груди болит, — прошептала пациентка.

— Угу. Ну, ничего! Через день-два пройдет. Пока спи. Попозже молока тебе принесу с медом — оно сладкое! — улыбнулся знахарь и убедившись, что девочка уснула, тихонько вышел.

Два дня больная была слаба, но потом силы стали прибывать стремительно. На четвертые сутки она, укутанная и накормленная, всюду ходила за Колдуном и без конца спрашивала, что это он готовит или делает. Хозяин терпеливо объяснял, какое снадобье смешивает или рассказывал о чем книжка, которую он читает или включал ей телевизор, который она, впрочем, смотрела очень недолго. На пятый день за завтраком девчонка выдала:

— А ты что меня дома не лечил? Зачем сюда привез? — Колдун подумал и ответил:

— Чтобы далеко не бегать!

— А может я тебе понравилась, а? — вопрос поставил в ступор. Скажешь — понравилась, отбою не будет, как отец ее предупреждал. Не понравилась — в слезы ударится. Ответил нейтрально:

— Меня папка твой попросил.

— Ну да, папка, скажешь тоже! Говори лучше сразу, потом проще будет! — протянула собеседница.

— Чего проще-то? — любопытствовал Колдун.

— В любви признаваться, вот чего! — видимо устав ходить вокруг да около, выдала девчонка.

— Да-а, — крикнул Колдун. — Да я вроде не собирался пока...

— Это ты другой какой расскажи, что не собирался! Коли не собираются, так по четыре дня вокруг с молочком и медом не бегают! Так что делать-то будем, жених? — жених, поставшись не выглядеть слишком ошарашенным, осторожно спросил:

— Это ты об чем?

— Коли ты ко мне дышишь неровно, так надоть о свадьбе думать! — пояснила невеста.

— Угу, — кивнул Колдун. — А ты, звезда моя, знаешь, что жена должна мужу еду готовить, дом прибирать, рубахи стирать, а?

— Ну и что? — пожала плечами неспесивая гостья. — Ты же, говорят, колдун. Вот ты меня колдовству обучишь, я пальцами щелкну и пожалуйста — и дом прибран, и еда готова!

— Знаешь, я то колдун, а вот ты..., — невеста не дала ему закончить:

— Коли ты колдун, то я, за тебя замуж вышедши, кто буду? — вытаращилась она на собеседника.

— Кто? — тупо спросил он.

— Жена колдуна — колдунья! Экий ты недогадливый!

— А-а! — покивал головой мужчина. — Это я не додумал!

— А раз я колдунья, то и колдовать научусь! — безапелляционно заявила Манька. — Тебя, кстати, как звать-то, а то Колдун, жених..., — уточнила она.

— Тимофеем меня звать, — потупился Тимофей.

— Тиша, значит! — кивнула собеседница. — Ничего, сойдёт!

— Спасибо на добром слове! — хмыкнул новоявленный Тиша. — Слушай, Мань, а пока ты научишься колдовать, кто за домом-то следить будет? — выдал «козыря» Колдун, но невеста была не из пугливых:

— Ты и будешь! Ты же уже умеешь? Ничего, не переломишься ещё маленько поколдовать! — постановила будущая ведьма. — А пока ты с домом управляйся, я с папкой на твоей автомобиле в город буду ездить за ленточками и конфетами!

— Эва как! — открыл рот жених. — А деньги где возьмёшь?

— Так ты мне и дашь! Ты же за лечение плату берешь? Вот мне и будешь ее отдавать! Тебе она зачем? — смерила взглядом Колдуна. — Мужикам деньги оставлять нельзя, их сразу на всякую дурь тянет — так мама говорит, теща твоя будущая!

— Еще и теща! — покачал головой Тимофей. — За что ж мне такая напасть?

— Чаво? — прислушалась девочка.

— Ничаво! — буркнул Колдун. — Пойду я.

— Куды это? — прищурилась невеста.

— Во двор. Дров наколю, — доложился жених.

— Это правильно! Экий ты хозяйственный! — похвалила Манька.

— Угу, сам удивляюсь! — выдал Колдун и выскочил за дверь. К обеду, однако, пришлось возвращаться в дом и поить невесту лекарствами. Она повертела в руках старую кружку:

— Надыть посуду нам новую купить, слышь? — Колдун усердно молчал. — И ковер на полу истерся совсем! Новый нужен! — тормошила его гостя.

— Ты, звезда моя, давай-ка руки иди мой. Счас есть будем, — откосил хозяин.

— А что у нас за еда? — приподняла брови Манька.

— Мясо. Жаренное, — пояснил Тимофей.

— Ты одно мясо ешь? — уточнила невеста. Он подтолкнул ее к умывальнику и буркнул:

— Много мяса!

Ел Колдун угрюмо, стараясь не смотреть на «будущую половину». Она же не замолкала ни на секунду, то бесцеремонно толкая его в плечо, то прижимаясь к локтю сопливым носом. Тимофей торопливо дожевал и поднялся:

— Спасибо за беседу! Пойду я!

Немедленно последовал уже привычный вопрос:

— Куды?

— Вот удово-то, прости Господи! — ругнулся Колдун и чуть не бегом выскочил в сени. Отдышавшись уже на улице, он хотел было отправиться снова колоть дрова, лишь бы не сидеть дома, но тут послышался стук в ворота.

«Кого там ещё принесло?» — недобро сощурился обычно благодушный хозяин.

— Тимофей Филипыч, ты дома? — послышался женский голос.

— Марья! — Колдун прошагал через двор, отпер калитку и выглянул наружу. — Здравствуй! Проходи! Как сынишка-то? Полегчало?

— Да полегчало, только тут дело такое..., — гостя засмутила. — Малой мой, я не доглядела, а он мешочек с травами стащил и по всей избе рассыпал! Может дашь ещё, Тимофей Филипыч? — просительно пробормотала она.

— Да, конечно, Марья! Об чем разговор? Пойдем в дом, я сейчас смешаю и... — договорить он не успел потому, что из калитки раздался надрывный писк:

— Это что ещё за халда?! — Колдун невольно вздрогнул и оглянулся. Мария тоже уставилась на малявку.

— Это ты что же, от невесты убеж, чтобы с девками шушукаться? — уперла руки в бока девчонка.

— Маня! — громко сказал Колдун.

— Что — Маня? Ты чего это голос повышаешь, а? — заблажила та. — Думаешь, спужаюсь тебя что ли? Экий кобелина! Невеста в доме больная, а он тут...

— Маня, твою мать! — Тимофей уже зарычал, но в это время засмеялась Марья:

— Какие страсти тут у тебя!

— Страсти-мордасти! — ругнулся хозяин. — Повешусь скоро на ёлке!

— Ой-ли! От такой красоты вешаться! — заливалась Марья, не в силах унять смех, который усиливался с каждым выпадом ревнивой «соперницы». Колдун не знал, что сказать, чтобы Манька унялась и, в конце концов, схватив ее за руку, другой припечатал увесистый шлепок пониже спины, отчего ругань сменилась истошным ревом.

— Иди в дом, холера! — рявкнул Колдун и, закрыв калитку, махнул Марье рукой:

— Идем!

Смешав в новом мешочке необходимые травы, он отдал их гостю и пошел ее провожать. Из спальни слышался вой вперемешку с по-настоящему бабьими причитаниями. Мария улыбалась и подшучивала над Колдуном, но тот мрачно молчал лишь под конец выдавив:

— Маш, ты же через их деревню пойдешь? Зайди к Сергеевичу, скажи, чтоб он приехал ее забрал! А то я чокнусь скоро!

Женщина покивала, попрощалась и не спеша отправилась в обратный путь. Тимофей пошел в дом. Манька сидела за столом и всхлипывала. Он налил ей воды и сказал примирительно:

— На, попей! Будет уже!

— Че — будет? Че — будет? — тихонько завелась по-новой девчонка. — Ты ить меня в самую сердцу ранил! — визгливо выкрикнула она.

— В какую сердцу, мелкота?! — взъярился Колдун. — Где она у тебя, сердца-то?

— Вот тут! — ткнула себя Манька в грудь и вытерла сопли рукавом.

— О, Господи! — вздохнул хозяин. — Завтра папка твой приедет, — перевел он разговор.

— И че? — подняла глаза невеста.

— Ниче! Домой поедешь! — приговорил Тимофей.

— Как домой? — переполошилась Манька. — А свадьба када?

— Вот у батки-то и спроси! А то он ещё согласия не даст! — перевел стрелки Колдун, но не тут-то было:

— Не переживай! Папка дозволит! — уверенно заявила невеста.

— А я весь испереживался прям! — буркнул Тимофей.

— Чаво?

— Ничаво! — отвернулся Колдун. — С чего он согласится-то, говорю?

— Он всегда мне все позволяет, Тиша! — начала новый бесконечный монолог Манька. — Я вот чего не попрошу — все мне привозит! Платочек попросила — привез! Ленточку — привез! Котенка просила с городу — тоже приволок, правда, с помойки. На помойке, говорит, подобрал. Ну, и тебя, кака разница, тоже дозволит! — подвела она итог.

— Ну, да! — кивнул Колдун, невольно взглянув на себя в зеркало у рукомойника. — Кака разница, что кот помойный, что я!

Невеста его не слушала, рассуждая, как они будут жить — поживать. Тимофею хотелось завить и казалось, что завтра не наступит никогда. Он сложил в сумку Манькины вещи и травы для отваров с запиской, какую когда пить. Очень хотелось заткнуть уши, чтобы не слышать жужжащего писклявого голоса, но тогда пришлось бы оставить дела, так как руки будут заняты.

Накрыв стол, он накормил «будущую жену» и увидев, что она уже клует носом, уговорил идти спать, а затем убрав со стола и закрыв двери, негромко включил телевизор и немного отвлекся, слушая вести из большого мира. Незаметно уснул и сам.

Проснулся от того, что в доме кто-то ходил. Приподнявшись, он увидел Маньку, таскавшую из комнаты в кухню книги.

— Ты чего делаешь, Мань? — хриплым голосом спросил Колдун.

— О, проснулся, наконец! — затараторила та. — Невеста тут уж с рассвета работает, а он дрыхнет. Я и золу из печи уже выгребла да за калитку утащила, только замок там не закрыла — в руках-то ведро! — она опять скрылась на кухне.

Колдун вскочил и прошлепал босыми ногами следом. Возле стола стопками лежали книги, а в печке подозрительно весело полыхал огонь.

— Ты что, книги в печь кинула? — он неверяще уставился в безмятежное Манькино лицо.

— А чего они столько места занимают у нас в доме, Тишь? — пожала плечами новая хозяйка. — Мама говорит, проку с книг никакого, тока пыль собирают! У нас завсегда старые книжки на растопку идут! А газеты — в нужник!

— Ах, ты, маленькая дрянь! — заорал Тимофей. И в это время в двери вбежал Сергеевич, как всегда торопливый и шустрый.

— Чаво тут? — захлопал он глазами и пояснил свое вторжение, — тама калитка нараспашку!

— Ничаво! — взвился Колдун. — Твоя малявка мне книги пожгла в печке, твою мать!

— Каки книги? Эти что ли? — зачастил Сергеевич. — Эка беда! Чаво с ними ишо делать-то? — продолжал бубнить он, оттирая дочку к двери. — Я тебе таких, хошь, из сараю десять штук притащу! Оне у нас какой год стоять!

— Езжай! — рыкнул Тимофей.

— Чаво?

— Езжай, говорю, Сергеевич! — повторил хозяин. — И эту свою заberi с глаз моих!

Манька выбралась из-за отца:

— Папа, мы с Тишей жаница собрались. Он у тебя согласия просить хотел! — запищала она. — Ты ведь согласишься? А, папа? Я уж, как невеста в доме обживаться начала, всякий хлам сжигать!

Колдун перевел на нее тяжёлый взгляд. Сергеевич заторопился:

— Пойдем, пойдем, невеста, где вещи-то твои?

— А чаво их забирать-то? — упёрлась девчонка. — Ить скоро поженимся, все одно назад волоочь!

Отец смущённо глянул на хозяина и вытолкал, наконец, дочь из дверей:

— Ты уж не обессудь, Филипыч! — негромко повинулся он. — Я тебе говорил про нее... надыть было дома лечить! — и спохватился, — ой, деньгу-то забыл отдать, погоди, счас!..

— Езжай, Сергеевич! — остановил его Колдун. — Увези это удово из моего дома, пока я в сознании!

— Дык... а с деньгами-то как? — не понял собеседник.

— Не надо! Тестю на халяву! — мрачно пошутил Тимофей и вышел во двор, а потом и за калитку, вслед за гостями.

Телега уезжала прочь, а писклявый голос продолжал звенеть:

«Ты не переживай, любый мой, я папку уговорю, вот увидишь, уговорю! И приеду! Обязательно приеду, Ти-иша-а-а!».

«Не допусти, Господь!» — пробормотал Колдун, тщательно запирая калитку: «Не допусти, Господь!».

Рассказ третий. Господин из аптеки

Колдун мотался по городу на своем запыленном «Чероки». Он отыскивал аптеки. Ему позарез нужны были пипетки, но — какое-то проклятие — их нигде не было! То уже закончились, то еще не завезли. В одном месте три последних штуки забрала бабуля прямо перед ним.

«Твою мать!» — ругнулся Тимофей и снова прыгнул за руль. В загашнике имелась только одна пипетка, которую он умолил, упросил достать из витрины. Наконец, подъехав к, уже и со счета сбился какой аптеке, он поймал удачу за хвост и заказал сразу тридцать штук. Молоденькая фармацевт удивленно засмеялась:

— Куда вам столько? — на что Колдун, добродушно улыбаясь, отвечал:

— Знахарь я, звезда моя. Ушки-глазки больным закапываю, вот и покупаю сразу на полгода-год.

Аптекарьша строго нахмурилась:

— А вы в курсе, что занятие ваше противозаконное?

— Угу! — покивал головой покупатель. — Только я в таком месте живу, где закон — тайга, хозяин — медведь, а слово «поликлиника» считается ругательным! — пояснил он, рассчитался, спрятал драгоценную добычу в карман и, развернувшись, встретился взглядом с мрачным, дорого одетым господином, что внимательно прислушивался к их разговору. За спиной господина переминались два здоровяка с грубыми физиономиями.

Почувствовав исходящий от троицы нездоровый интерес и несколько негативные эмоции, Колдун скромно потупил взор и вышел из аптеки. Авто он оставил на другой стороне неширокой улицы и сейчас, подойдя к краю тротуара, не торопясь переждал поток машин, чтобы пересечь дорогу. Неожиданно в бок ему уперлось что-то твердое, а в ухо шелестнул грозный голос:

«Не дергайся! Иди вот сюда, к лимузину!» — Тимофей покорно вздохнул и пошел. В боку было больно от сильно давящего ствола «Беретты», но он терпел и молчал. Когда его, открыв блестящую дверь, затолкали в салон, Колдун некоторое время посидел, моргая, привыкая к полумраку после ослепительного летнего дня. Разобрав, наконец, что напротив сидит тот самый господин из аптеки, Тимофей кивнул и улыбнулся:

— Здрав будь, мил-человек!

Тот не спешил отвечать, сосредоточенно разглядывая Колдуна. Рядом с ним сидел один из охранников, направив на гостя пистолет и ловя каждое неверное движение. Тимофей покосился на ствол и вспомнив, как в детстве зачитывался повестью «Портфель капитана Румба», негромко выдал:

— Ты все равно в меня не выстрелишь!

Крепыш напрягся:

— Чей-та?

— А у тебя в стволе торчит морковка! — стрелок непроизвольно повернул пистолет и воззрился на него. Колдун, не сдержавшись, хрюкнул, а второй охранник и шофер, сидящие впереди, заржали, как застоявшиеся жеребцы.

Крепыш, став пунцовым, метнулся было к обидчику, но был остановлен легким взмахом руки хозяина:

— Я слышал, ты сказал, что знахарствуешь?

Колдун внимательно присмотрелся к собеседнику и кивнул:

— Есть такое дело!

— И что, удачно лечишь?

Тимофей пожал плечами:

— Пока не один не помер.

Господин замолчал. Тимофей покосился на крепыша и его пистолет. Тот снова взялся наливать кровью.

— А ты, случаем, не шарлатан? — снова нарушил молчание хозяин. Тимофей поскреб макушку:

— А зачем шарлатану тридцать пипеток?

— Логично... какие болезни лечишь?

— Всекие, окромя сердешных! — перешел на деревенский сленг Колдун. Собеседник уставился на него не мигая:

— Не издевайся! Тут дело серьезное!

— Да что ты, мил-человек! Рази я издеваюсь? — распахнул глаза Тимофей и, посерьезнев, добавил, — под «Береттой» кто ж издевается? Ты говорил бы прямо — что надо? А то во мне твой пинчер уже скоро дыру прожжет взглядом! — кивнул он на крепыша.

— Ты онкологию запущенную лечишь? — решил хозяин. Тимофей пожевал губами:

— Это смотря кому!

— То есть? — потребовал объяснений собеседник.

— Есть такие, кто сам себя в могилу загоняет. Жить не хотят. Тем я не помощник. Только силы зря тратить! — откликнулся Колдун.

— А если хочет жить? — уточнил господин.

— Тогда можно! — пожал плечами Тимофей. — Впрочем, заверять в успехе не стану. Ты уж сам смотри..., — помолчал и с ехидцей добавил, — ...благодетель!

Благодетель поморщился:

— За плату не переживай! Поможешь — озолочу!

— Угу! — кивнул Колдун. — А то я, грешным делом решил, что вознаграждением отсутствие ствола у пуза будет!

Господин перевел взгляд на продолжавшего держать на мушке Тимофея крепыша и продолжил:

— Тебя как звать-то, знахарь?

— Тимофей Филиппович! — отрекомендовался Колдун.

— А меня Максим Петрович! — кивнул собеседник.

— Очинна приятно! — снова зазубоскалил знахарь. — Только, не в обиду будь сказано, Максим Петрович, ты сам на такой диагноз не тянешь, а твои спутники и подавно... так кого лечить будем? — поинтересовался он.

— Отец у меня! — угрюмо сказал хозяин. — Отродясь в поликлинику не ходил, людям в белых халатах не верит!

— Наш человек! — кивнул Тимофей.

— Ага! — согласился Максим Петрович. — А тут запропадал, сознания лишился. На «скорой» увезли и, пожалуйста — рак, четвертая стадия. И так-то почти никаких шансов, так он и от последних отмахивается, дескать, лучше помру, чем эскулапам на растерзание себя отдам!

— А мне, значит, отдаст? — заинтересовался Колдун.

— Отдаст! — подтвердил собеседник. — Он травки-муравки и прочую муру народную только и уважает, — добавил он.

Тимофей собрался было взъерепениться на «муру», но потом передумал. У человека горе, ни к чему из себя клоуна лепить.

— И где же он, отец твой, находится? — взялся уточнять Колдун.

— Дома, — ответил хозяин. — Я ему комнату под палату оборудовал, сиделок нанял... только толку? — безнадежно махнул он рукой. — Лекарства-то не принимает! От боли кричит и не принимает! Железный он, понимаешь?

— Понимаю! — покивал Тимофей. — В общем, давай так — ты мне адрес черкни, я все необходимое возьму и завтра к тебе прикачу с утречка пораньше! — подвел он итог.

— Нет, мил-человек! — передразнил Тимофея собеседник. — Никуда ты не пойдешь и отвезу я тебя сам! А барахлишко твое, какое надо из дома, ребятки мои привезут. Ты мне адрес-то черкни! — закончил он с ехидцей. Тимофей погрузился:

«И что за народ нынче?» — принялся он размышлять: «Непонимущий какой-то! Говорят им — завтра! А они, как в песне: „Нет, нет, нет, нет, мы хотим сегодня!“ Ну, ничего, переходите!» — он мягко повернулся к крепышу и протянул руку:

— Дай! — тот, замороженно глядя на Колдуна, развернул пистолет рукоятью вперед и послушно протянул. — А теперь выйди! — приказал Тимофей. — И вы двое тоже! — глянул на второго охранника и шофера. Через мгновение, оставшись наедине с немного побледневшим хозяином, Колдун посмотрел на него и сказал, — ну, чего сидишь, как столп соляной? Адрес будешь писать или как? — добавил он и бросил оружие Максиму Петровичу на колени.

Выбравшись из лимузина, Тимофей перешел таки дорогу, сел за руль и поехал домой. По пути завернул в какой-то задрипанный магазинчик, где затарился мукой, дрожжами, сахаром и чаем. Хлеб он предпочитал печь сам в русской печи раз в неделю. А мясом и прочими деревенскими разносолами его обеспечивали болящие. Денег-то у деревенских особо не водилось, зато натурпродукта — хоть отбавляй. Наличие, в основном, приходила от приезжих, прослышавших, что живет в дремучем лесу такой Колдун, что от любой хвори по щелчку пальцев вылечит.

Вот теперь новый клиент нарисовался. Дай Бог, чтобы старику удалось помочь, а то сынуля у него шибко нервный. Придется потом в Рембо играть, чтобы ноги унести.

«Ох-о-хо, жизнь поломатая!» — вздохнул Колдун и отправился к родному порогу.

Утром, собрав целую сумку трав, настоев и примочек, Тимофей выехал за ворота, закрыл их, пришил на калитку записку: «Дома нет. Лечу недужного на выезде. Буду через недельку-другую. Колдун» — чтобы пациенты ворота не ломали и, помолясь, отправился на заработки.

Приехав в элитный поселок, пройдя досмотр на въезде и в указанной в бумажке усадьбе (или как она там теперь называлась: коттедж, вилла, особняк?) он со своей облезлой сумкой потащился в дом вслед за охранником. Долго ли, коротко ли, его провели, наконец, к больному. Измученный, совершенно черный и ослабевший дед лежал на какой-то невероятных размеров кровати и слабо стонал.

Сиделка пыталась напоить его водой, но получалось плохо — глотал тот с трудом и задыхался. Тимофей поставил ношу в уголок, подошел к помощнице, взял кружку из ее рук и проговорил:

«Ну-ка, звезда моя, погуляй маненечко, дай умному человеку осмотр провести!» — женщина вытаращила на него сильно подведенные глаза и, кажется, хотела возражать, но в это время в комнату вошел Максим Петрович и знаком подтвердил Тимофеево распоряжение.

Дед глядел на него из под полуопущенных век. Колдун проверил его энергетический запас, удостоверился, что дедуля не так плох, как кажется и принялся за дело, положив руки на брюшную полость. Откуда-то из глубины чужого подсознания всплыла туманная мысль, быстро оформившаяся в жуткое сожаление:

«Если бы я все начал сначала, я бы...» — Колдун убрал руки и помотал головой, возвращаясь в свой Мир.

— Ну, что? — с надеждой глянул на него сын.

Тимофей поморгал глазами и, вздохнув, поманил вопрошающего из комнаты. В соседней гостиной он присел на диван, мало чем уступающий по размерам дедовой кровати:

— Ну, что? — повторил сын больного.

— Ну, что, Максим Петрович, вылечить твоего батю можно, но есть один момент...

Максим Петрович остро взглянул:

— Я же говорил: вылечишь — озолочу!

Тимофей, искавший подходящие слова для объяснения проблемы на потолке, вздрогнул:

— А?

— Сколько тебе нужно? — уже совсем хмуро спросил сын.

Тимофей захлопал глазами:

— Ты, батюшко, не о том думаешь, об чем я тебе толкую! — наконец, выдал он. — Деньги я, конечно, возьму, не откажусь, только разговор об этом будет, когда дедок твой с койки поднимется.

— Тогда о чем ты говоришь? — поинтересовался хозяин.

— Говорю я о том, что твой папенька загоняет себя в угол из-за того, что несчастлив!

— Что значит — несчастлив? — недобро уставился на Колдуна собеседник. — Я ему все! И машину купил, и дом для него выстроил, и все, что хочет! Чего еще-то?

Тимофей вздохнул:

— Экий ты материалист! Купил, выстроил, подарил... воли ты ему не даешь, вот что!

— Это как?

— Да вот так! Дед твой всю жизнь хотел пчеловодом быть!

— Что? — вытаращил глаза Максим Петрович.

— Пчеловодом, говорю! — повторил Тимофей. — Ну, твою мать, тем, кто пчел в ульях держит!

— Я знаю, кто такой пчеловод! — рявкнул хозяин.

— А чего тогда?

— Зачем?

— Зачем? Зачем ты в лимузине едешь?

— Затем, что мне хочется! — пробурчал Максим Петрович.

— Угу! — согласился Колдун. — А ему, вишь ты, хочется шляпу с накомарником, холщовые штаны и рубаху и мед выгонять... так-то!

— И что? — спросил хозяин. Тимофей посмотрел на него, как на дурного:

— И все! Чего еще-то? Отпусти бату на волю! Пусть он живет, как он хочет, а не так, как ты! Стесняется он тебе правду сказать, что ему простая жизнь ближе. А твои дворцы-машины он не приемлет.

— А болезнь? — вконец растерявшись спросил Максим Петрович.

— А болезнь я подлечу, но важно, чтоб его потом обратно не затянуло! — и Тимофей, решив, что достаточно молот языком, поднялся и вернулся к больному, оставив совершенно сбитого с толку хозяина одного.

Дни потекли однообразно. Колдун с утра подпитывал Петра Васильевича, распорядившегося, чтоб его звали дед Петр, энергией, затем готовил травки и, наказав сиделкам, что и когда поить, отправлялся в самую любимую часть господского дома — кухню. Там царствовала великолепнейшая из всех встреченных Колдуном за долгую жизнь женщин, тетка Катерина. Она жарила ему его любимое мясо так, что оно было нежным и невероятно вкусным и никогда не задавала глупого вопроса, который набил Тимофею оскомину:

«А ты что, одно мясо ешь?».

Тимофей, в благодарность, веселил ее байками из своей знахарской практики. Поев, он возвращался к больному, осматривал оживающего понемногу деда и уходил в свою комнату, где до одурения смотрел телевизор, не признавая интернет и прочие глупости достойными внимания. Телефона у него не было. Как-то давно он поддался соблазну и завел тогда еще мобильник. Номер дал одному пациенту. В итоге, спустя месяц, он засыпал под орущий телефон и просыпался под него же. Походив два дня с гудящей от недосыпания головой, мобильник Колдун затолкал в ведро с водой, а потом выкинул в унитаз. Клиентов у него и так хватало. Без рекламы и телефонов.

Наконец, однажды утром, до планового обхода, к нему в комнату пришел сам Максим Петрович. Тимофей сидел на постели без рубахи и занимался чрезвычайно важным делом — пытался спиной поймать солнечного зайчика, прыгающего по кровати. Услышав стук и пригласив гостя, (он был уверен, что это охранник пришел звать его на ковер) он продолжал свое увлекательное занятие, пока хозяин не кашлянул.

Тимофей оглянулся, несколько смутился, пробормотал: «Пardon!», оделся и устался на вошедшего.

— Я, Тимофей Филиппович, хотел спросить... — до странности несмело заговорил грозный босс.

— Об чем? — наклонил голову Колдун.

— Отцу я могу... — уткнулся взглядом в пол хозяин, — ...могу так прямо все выложить? Или надо как-то обиняком?

Тимофей приподнял брови:

— Будь проще, Максим Петрович! Пока ты реверансы раскланиваешь, дед твой и не поймет ничего, а поймет, так не поверит в счастье свое! Скажи, что я тебе песню эту пропел, а потом уж о нюансах договориться легче. Ты, главное, авторитетом не дави! — посоветовал Колдун. Максим Петрович грустно поднял глаза:

— Знаешь что, Колдун?

— Что? — устался на собеседника Тимофей.

— Ты ведь и меня до кишок вывернул, не только отца моего! — ответил тот.

— Это ты об чем? — снова сбился на простой говор Колдун.

— Я об том... — грустно пошутил хозяин, — ...что, как и батя, устал от жизни этой! — он обвел рукой вокруг. — Вот тут она у меня, сил нет!

Тимофей посмотрел с интересом:

— Так чего ты в нее уперся? Продай все, деньги в тайник спрячь, домик купите с батей с ульями да и живите! — предложил он.

— Как у тебя все просто! — невесело хмыкнул Максим Петрович.

— Да оно и есть просто! — пожал плечами Колдун. — Только захотеть надо по-настоящему. А если жалко положение да состояние, так чего? Жди пока тебя также, как батюку скрутит. Мне, к примеру, от такого один прибыток! — заключил Тимофей.

— Что с отцом-то? — переменял тему босс.

— Ну, что? Как я и говорил, физически почти здоров, можно уже травками обходиться, но нужно моральный дух укрепить обнадеживающим известием — это я про дом с ульями! — пояснил Колдун.

— Ясно! — кивнул Максим Петрович и достал из внутреннего кармана конверт:

— Вот, держи! Спасибо тебе!

— Благодарствую! — Тимофей, не открывая, сунул конверт в свою выдавшую виды сумку. Хозяин поднял брови:

— Ты бы хоть посчитал!

— Не сребролюбив, сколько заплатили — столько и заслужил. Я сейчас сиделкам распишу, какие отвары, когда подавать да и поеду, пожалуй? — он вопросительно взглянул на Максима Петровича. Тот кивнул, но потом спросил:

— А вдруг мы твоих советов не исполним и домик не купим?

— Так воля хозяйская! — хмыкнул Колдун. — Мое дело обстоятельства объяснить, а ваше — решить: надо оно вам или нет? Если не слушаете — милости просим за лечением! Проживаю у деревни Осинниково. Аборигены про меня знают, путь укажут, — подвел он итог и, отвесив поясной поклон, подхватил свои небогатые пожитки и вышел.

Рассказ четвертый. Конкуренты

Тимофей ремонтировал забор. Привезя досок и столбов, он основательно «окопался», выдирая старое ограждение и устанавливая новое. Работа была тяжелой и грязной, но радовала возможностью применить силушку молодецкую для доброго дела.

«Эх, дубинушка, ухнем!» — горланил Колдун, отволакивая очередное бревно: «Эх, зеленая, сама пойдет!» — и сколачивал стоящие друг около друга оставшиеся столбы поперечными досками.

К обеду он умаялся до полного изнеможения и хотел уже было, прибрав инструменты, прошествовать в протопленную заранее баньку, но что-то в душе нехорошо екнуло и заставило оглянуться на дорогу. По ней двигалась темная фигура в длинном одеянии. Колдун приложил грязную ладонь ко лбу, заслоняясь от солнца, чтобы получше разглядеть, кто пожаловал и, озадачившись, руку опустил. К его усадьбе шла пожилая женщина. Невысокая, худая, она была одета в мрачное, достающее до пят платье и черный головной платок. Держалась гостя очень прямо и шла легко, хотя в руке был потемневший от времени посох. Тимофей вздохнул, еще раз окинул взглядом приближающуюся фигуру и пробормотал себе под нос цитату из «Ивана Васильевича...»:

«Да ты ведьма!».

Идущая, словно услышав, приостановилась, смерила Колдуна пристальным взглядом темных глаз и подошла уже медленнее поближе.

— Здравствуй, Тимофей Филиппович! — сказала она глухим голосом.

— И тебе не хворать! — отозвался Колдун. — Только, прости, как тебя звать не ведаю!

— А и незачем, Тимофей, тебе меня звать! — выдала посетительница. — Лучше тебе от меня подальше держаться!

Колдун прищурился:

— Эва как! Это что же, заместо приветствия?

— Это заместо предупреждения, Колдун! — пояснила старуха. — И лучше тебе его принять серьезно!

— Насколько серьезно? — склонил голову набок Тимофей.

— Настолько, что надо тебе собраться да и съехать отсюда подобра-поздорову! — напрямик высказалась гостя.

— И куда же я поеду, звезда моя? У меня тут дом, заработок, телевизор бесплатно показывает! Куда я подамся-то, сиротинушка? — скроил жалобную мину Колдун.

— Ты, Тимофей Филиппович, не паясничай! — стукнула посохом о землю бабка. — Паству твою, все одно, отдать придется, слышь?

— Паству! — покачал головой собеседник. — Ну, и словечки у тебя!

— Думаешь — силен, так нет сильнее тебя? Еще как есть! Пока по-доброму предлагаем тебе — уезжай!

— Эва как! — снова протянул сиротинушка. — Уже и мы! И сколько же вас на мою головушку свалилось?

— Достаточно, Колдун, достаточно. Коли не хочешь в землю раньше времени лечь, уезжай с концами, ясно тебе?

— Ясно! — кивнул Тимофей. — Что пасмурно! Это все али еще чего расскажешь? У меня, знаешь ли, баня протопилась, недосуг тут с тобой лясы точить!

— Да с год, поди? — прикинул Тимоха и внимательно пригляделся к приятелю: Давно закладываешь? — строго спросил он.

— Добрый путь! Приятно было познакомиться! — крикнул ей вслед Колдун и направился в предбанник.

Мылся он остервенело, хлеща себя вениками и поддавая жару. Из бани выполз красный, как рак. Прошествовал в дом, напился квасу, что приволакивала ему супруга одного пациента, которого он исцелил от мужского бессилия. Теперь благодарная жена периодически приносила душистый русский напиток в пластмассовых бутылках и лекарь с удовольствием его потреблял. Напившись, он изволил откусать неизменного жаренного мяса, запил все это чаем с малиновым вареньем и, совершенно счастливый и осоловевший, добрал до спальни, где рухнул в постель.

Проснулся внезапно от странного ощущения, что на него кто-то смотрит. Вокруг стояла душная летняя ночь. За окном надрывались кузнечики, часы, отблескивая циферблатом, показывали полночь. Колдун зевнул, поправил подушку, стукнув по ней кулаком и только после этого соизволил поглядеть в дверной проем, где отчетливо угадывалась фигура, закутанная с головы до ног в темное полотно.

— Привет! — поздоровался Тимофей. — Давно стоишь?

Фигура молчала.

— Глухонемой что ли? — поинтересовался Колдун и добавил. — Ты кваску не принесешь? Там жбан на кухне!

Фигура продолжала молчать.

— Эх, жизнь поломатая! — вздохнул Тимофей. — Придется самому переться!

Встав, он нашарил тапки и потащился в пищеблок, пройдя прямо сквозь фантом, который неслышно растворился в темноте. Напившись квасу, Колдун выскочил во двор и побежал к удобствам. Когда возвращался назад над ним промчалась какая-то тень и тишину разорвал жуткий хохот. Тимофей посмотрел летуну вслед и покрутил пальцем у виска:

— Ты бы, твою мать, еще в простыню нарядился, как Карлсон! — сплюнул он с досады и пошел в дом досыпать.

Утром, едва успев позавтракать, Тимофей услышал урчание мотора и стук в калитку. Он пошел открывать с сомнением ибо никакой боли, страха, надежды и прочих, сопутствующих болезням и несчастьям эмоций, из-за ворот не ощущал. Предположения оказались верными. Из новенькой «Тойотки» выбиралась девица, вторая стояла у калитки. На обеих были платья, чуть прикрывающие нижнее белье как вверху, так и внизу и килограммовый макияж на лицах. Колдун смотрел с интересом.

— Здрасти! — протянули гости.

— Здрасти! — в тон ответил хозяин. — Чем обязан?

— Мы, знаете, слышали про вас в городе, что вы колдун! Это правда?

— Что — правда? Что вы слышали про меня в городе? Так вам лучше знать! — откосил Тимофей.

— Да нет же! — вступила в разговор вторая дива. — Что вы — колдун!

— Кто вам сказал такую глупость? — вытаращил глаза хозяин.

— Ну, то есть как? Нам сказали! — выдала железный аргумент первая.

— Может вы адресом ошиблись? — поинтересовался Тимофей.

— Да как ошиблись? Нам сказали возле деревни Осинниково, в лесу! Да и деревенские все сюда указали!

— Так-таки все? — усомнился Колдун.

— Ну, не все... бабка с дедом на лавочке сидели и нас послали!

Тимофей спросил со скрытым ехидством:

— А вы уверены, что вас послали... — он сделал паузу, — ...именно сюда?

Девушки переглянулись и спросили разочарованно:

— Так вы не колдун? А мы хотели селфи сделать!

— Сожалею, барышни! Что-то вы напутали... наверное, свернули не в ту сторону! —

Тимофей стал закрывать калитку, но одна из девиц его остановила:

— Подождите, а где же тогда колдун? Ведь нам про него говорили! — добавила она и вторая усердно закивала. Тимофей вздохнул:

— Такие большие, а в сказки верите! Развели вас, похоже, как детей! Ну, какие колдуны? Двадцать первый век на дворе! Езжайте-ка лучше в город, там и без колдунов весело! — и, помахав ручкой, захлопнул калитку и вернулся в дом.

Посидев немного на диванчике, он вспомнил незадачливых посетительниц и прикинул, уехали они уже из Осинникова или еще нет? Ему нужно было отвезти сборы парочке больных и успеть до отъезда автобудки, что раз в неделю привозила продукты в деревню. Если не опоздать, то можно затариться чаем и какой-нибудь нехитрой снедью на случай, когда лень жарить мясо. А вот если упустить, придется на своем «Чероки» ползти в город самостоятельно за тридевять земель. Решив, что девицы наверняка уже умотали, (чего им столько торчать в дремучей деревне?) Колдун направился к сараю, служившему ему гаражом для авто. Открыв створку ворот, Тимофей увидел на полу истерзанное, с почерневшей раной, тело одной из приехавших девок. Он постоял, потом аккуратно перешагнул лужу запекшейся крови, подошел к машине и сел за руль:

«Вы бы хоть время рассчитали, дурни!» — нагнулся он в окно: «Девки уехали на моих глазах! Даже если бы их убили и приволокли через забор в сарай, на это ушел бы час, если не полтора! А прошло не более получаса! К тому же труп вашему уже дня два по виду! Да и защита у моей избушки есть, в живую никого не пустит! Надо, кстати, мощность усилить как-нибудь на досуге, чтоб клоунату свою устраивать больше не могли!» — он резко включил заднюю передачу и, проехав прямо сквозь тело, вывел машину во двор. На месте несчастной девицы остался лишь клочок темного тумана.

Будку Колдун застал и приволок домой целый мешок банок и пакетиков. Вскипятив чайник, он уселся перед телевизором, насыпав в вазочку сушек и прихлебывая сладкий чай. Досуг был таким уютным, что прикончив съестное, Тимофей потихоньку задремал. Сны снились путанные и суетливые и проснулся он опять в полночь.

«Да задолбала ты, твою мать!» — ругнулся диванный ночлежник в адрес давешней ведьмы и в это время услышал мерный стук в калитку.

«Ну, вот! Опять приперлась!» — забурчал он сердито, но все-таки поднялся и пошел открывать. За калиткой стоял здоровенный мужик, мрачный и сопящий.

— Как поживаете? — вежливо спросил Колдун. Посетитель медленно достал из-за пояса огромный нож и попер на Тимофея. Когда до него оставалось всего-ничего, нападающий замахнулся и ударил. Нож, летящий Колдуну в голову, за тридцать сантиметров до нее словно врезался в бетон. Рука соскользнула по ручке и прошлась по лезвию всей ладонью. Мужик взвыл в голос и, забыв про оружие, отскочил назад. Тимофей наклонился, поднял нож и хмыкнул:

— Ты бы хоть гарду какую приделал, коли любишь по ночам людей тыкать!

Любитель тыкать людей держался одной рукой за другую, порезанную и усердно подвывал. Колдун приподнял ножом его подбородок, заглянул в глаза и приказал:

— А теперь иди и скажи этой старой стерве, чтобы уgomонилась. А то ведь я и разозлиться могу! — добавил он, отступая от поверженного врага, зашел в калитку и отправился досыпать.

Утром Колдун продолжил ремонт забора, жалея, что ночной посетитель не у него в помощниках — экая силища зря пропадает!

«Интересно!» — думал Тимофей: «Мужик этот бабке кто? Сын? Внук? Или седьмая вода на киселе?» — какое-то родство между ними он чуял, но устанавливать точно было лень. К полудню вдалеке опять замаячило бабкино черное платье.

«А я милую узнаю по походочке...» — замурыкал Колдун с интересом ожидая, чем сегодня ему будут грозить. Старуха не спеша подошла.

— Здравствуй, бабуля, как жисть молодая? — съязвил Тимофей.

— Ты мне за внука ответишь! — угрюмо протянула ведьма.

— Что, ручка болит? Ну, жопке легче! — подытожил хозяин.

— Думаешь, на тебя управы не найдется? — начала нагнетать старуха. — Я тебе такое устрою — костей не соберешь!

Тимофей покивал:

— Еще какого обалдую отправишь? Или в астрале будешь по ночам шастать? Так ты уже не в том возрасте, чтобы в спальню к одинокому мужику приходить! Не стыдно, бабушка? — склонил он голову набок.

— Веселись, веселись! Скоро слезами умоешься! — зловеще прошипела старуха и внезапно исчезла.

«Эва как!» — протянул Колдун: «Жжет бабка! К тяжелой артиллерии перешла! Ну да я тоже не в поле обсевов! Что-нибудь придумаю!» — и, посвистывая, Тимофей продолжил ремонт.

Чудеса начались, как только стемнело, что Колдуна изрядно порадовало — отработать с вечера, а потом спать спокойно до утра. Однако, не вышло. К дому со всех сторон подлетали тени, подходили к забору жуткие на вид существа — все это кружилось, орало, скреблось и билось в усиленную энергетическую защиту не в состоянии ее преодолеть. Впрочем, одно у старухи все-таки вышло — спать под такую какофонию было невозможно! Промучившись до утра, Колдун встал злой и помятый. Даже не позавтракав, он вывел свой вездеход и погнал, насколько это позволяли ухабы, по лесной дороге. Он уверенно вел машину по едва проезженным дорогам между деревеньками и, наконец, свернул на вовсе заросшую. Доехав по ней до старой усадьбы, окруженной обычным забором из досок, Тимофей резко тормознул, выбрался из авто и быстро направился к воротам. На них сидел огромный ворон и зловеще щелкал клювом.

— Кыш! — рывкнул Колдун, вскинув руку. Птица, не ожидавшая такой прыти, чуть не свалилась на землю, неуклюже расправила крылья и перелетела на дом, а ворота резко разошлись в стороны от Тимофеевского жеста.

Из дома показались люди. Их было около пяти-шести человек — Колдун от раздражения не удосужился посчитать точно. Впереди стояла знакомая ему бабка. Внезапно они все вскинули руки и на Тимофея пошла энергетическая волна, долженствующая захлестнуть его, скрутить, раздавить и оставить погребенным.

«Ишь, размахались, засранцы!» — зашипел Колдун и, сосредоточившись, отправил в ответ такую махину, что вражеская волна просто потерялась на этом фоне. Огромная сила вырвавшаяся из его рук пролетела вперед, окутав бабкину семейку туманом, закружилась над ними упругой воронкой и стала неумолимо втягивать в себя перепуганные, непонимающие души. Их тела одно за другим, падали на землю и замирали. Прошла минута, другая, третья. Колдун потянул воронку назад и она, внезапно распавшись, выпустила обратно свою добычу.

Гость свирепо смотрел, как казавшиеся мертвыми люди приходят в себя, со стонами открывают глаза и как их корежит от пережитого страха. Когда очнулась старуха, он шагнул вперед. Темные глаза ведьмы ошалело уставились на Тимофея и он прорычал:

— Ты, старая вешалка, собирай своих сопляков и чтобы духу вашего здесь не было завтра! А еще хоть раз мне на глаза попадешься, я тебе такое небо в алмазах устрою, что сегодняшнее детской сказочкой покажется! — он достал из-за пояса нож, отобранный ночью у внука старухи, швырнул его на землю, повернулся и ушел.

Проезжая обратно через Осинниково, Колдун увидел у колодца недавних своих посетительниц на «Тойоте». Они замахали руками, прося остановиться и он подрул к обочине.

— Здравсти! — заверещали девицы. — Нам все-таки сказали, что Колдун — это вы! Ну, пожалуйста, можно мы с вами сфотографируемся? Это же всего секунда! — взмолились они.

Тимофей вылез из машины и, приобняв дамочек за талии, уставился в пристроенный на капот смартфон. Гаджет всхлипнул и, пиликнув, отключился.

— Ой! — пискнула одна из подружек. — Наверно, разрядился!

— И мой тоже! — достала свой смартфон вторая. — Как же так? Мы так хотели селфи с настоящим колдуном! — чуть не плача воззрилась она на Тимофея.

— Да ладно тебе, звезда моя! — улыбнулся мужчина. — Ну, какой я колдун? Я же говорил вам — над вами смеются, а вы верите! Так и будете тут бегать, пока над вами вдоволь не натешатся, на видео не заснимут и на ютубе не выложат с хештегом: «Они верят в колдунов!». Оно вам надо?

Девушки испуганно переглянулись, спрятали смартфоны, забрались в авто и взяли с места в карьер. Тимофей удрученно вздохнул:

«Что за мир? Одни Фомы неверующие! С первого раза ничего не понимают! Только когда по макушке прилетит!» — он покачал головой, забрался в свой «Чероки» и поехал домой.

Рассказ пятый. Ответственный работник

Пацанишка заливался трубным ревом и поэтому Колдун слышал хорошо, если половину того, что говорила ему Настасья. Она периодически прерывалась, чтобы шлепнуть сопливого сына по взъерошенной белобрысой макушке, отчего тот взреывал еще отчаянней. Впрочем, общее положение случившегося Тимофей уловил: дядя Настасьи заболел, но будучи всю жизнь ответственным работником аж в Москве, а под старость угодив в дремучую глухомань к племяннице (ибо своих детей, за множеством важных дел не завел), народной медицине он не верил категорически и Колдуна к себе допускать не хотел. Требовал везти его в больницу, на что у племянницы не было ни сил, ни средств.

Тимофей, ошалевший от обилия звуков и информации, пошарил в кармане облезлой кожанки и, выудив из него не менее затасканную конфету в поблекшей обертке, протянул ее пацану. Рев мгновенно стих. Малец быстро сообразил, что это за фитюлька, развернул фантик и втянул сладость со звуком пылесоса.

— Так чего ты предлагаешь-то? — спросил Колдун по инерции громко, лишь к концу фразы, спохватившись и притушив звук.

— Я, Тимофей Филиппович, и сама не знаю! Он как про вас услышит аж зеленеет весь! Может вы так, заочно, какую-нибудь травку пропишите?

Колдун хмыкнул:

— Угу. Ты его напоишь невесть чем, невесть от чего и тогда его неверие в народную медицину будет абсолютно оправданным! Не стану я, Настасья, так рисковать! Мне его смерть на совести не нужна! — подвел он итог.

— Да Бог с вами! — испугалась женщина. — А как быть-то?

— А давай-ка, звезда моя, вот, что сделаем! — предложил гость. — Травку я тебе дам, только не лечебную, а сонную. Выпьет твой дядька, задрыхнет, а тут и я проберусь, посмотрю, подколдую чего, тогда уже и лечение назначу! Ну, как? Идет?

Настасья с готовностью закивала. Негоже, конечно, пожилого человека обманывать, ну, да что же делать?

Колдун покопался в своей сумке, протопал на Настасьину кухню и, по-хозяйски взяв чистую кружку, насыпал в нее молотых трав и залил кипятком из закоптелого чайника.

«Ну вот! Счас настоится и начнем!» — подмигнул он хозяйке. Следом за матерью в кухню притопал ее наследник и устоял на Колдуна ярко-голубыми глазами. Тимофей сделал ему «козу», цвыркнув губами и пацан, заулыбавшись, потянулся к нему, дескать, хочу на ручки! Колдун посадил парнишку на колено и стал изображать ногой скачущего коня, сопровождая действие звуками: «Тыгдым-тыгдым!». Игра была принята и вскоре мальчишка заливался хохотом. Тимофей прихлебывал поданный женщиной чай и уже думал процеживать настой, когда в коридоре зашаркали неуверенные шаги. Гость и хозяйка переглянулись и испуганно устоялись на дверь. Через минуту на кухню явил себя ответственный работник. Он близоруко сощурился, разглядывая пришлеца, а поняв, кто это, мгновенно озверел:

— Ты! Ты, шарлатан! Ты как посмел сюда прийти? Ты что, еще лечить меня собрался? Да я тебя на порог не пушу, нахлебник! Ходишь, людям мозги дуришь да жрешь на халяву! — визжал старик. Последний глоток ощутимо встал Колдуну поперек горла и он с трудом сглотнул, а потом, воспользовавшись паузой в крике дедка, вставил:

— Ты чего разошелся-то, дед? Я к тебе что ли? Нужон ты мне больно! Хоть подохни! — глаза старика выкатились из орбит, а Тимофей невозмутимо продолжал. — У тебя племянница, между прочим, вдова, дама одинокая, а внучок... — он кивнул на притихшего у него на руках пацана — ... и сам ко мне тянется! Вот тебя схороним и заживем! — нагло улыбнулся Колдун в побелевшее лицо хозяина.

— Ты! — заблажил тот. — Да я тебя! Я тебя собственными руками! Я тебя! А ну, отпусти мальчика! — перешел он на визг, словно обезумев.

— Счас, разбежался! — отвечивал Тимофей. — Ты, один хрен, скоро помрешь, а им сильное плечо не помешает!

— Да какое с тебя сильное плечо, дармоед! — совсем вышел из себя ответственный работник. — И не надейся, сукин сын! Не надейся! Я не сдохну!

— Ой-ли! — усомнился Колдун. — Настасья говорит, ты народными методами брегуешь, больницу тебе подавай! А где она ее тебе возьмет, больницу-то? Я б тебя полечил, да у меня свои интересы теперь! И ты в них не входишь! Разве только Настасьюшка чтобы не волновалась пособил бы! — масляно глянул он на женщину. — Дак ты все одно не согласишься! — подзадорил он собеседника. Старик посерел. Несколько секунд он неотрывно смотрел на Тимофея и тяжело дышал. Колдун догадывался, что тот просчитывает варианты и выбирает меньшее из зол. Так и вышло. Помрачневший дед вскоре выдал:

— Ладно, паскудник, ладно! Я с Настасьей соглашусь! Она уже давно тебя позвать норovit да у меня таким, как ты веры нет! Но если твои порошки помогут и я выздоровею, век тебе Настасьи не видать, понял?

— Понял, не дурак! — кивнул Тимофей. — Да ить я за ради Настасьюшки чего угодно сделаю, даже такую гримзу, как ты вылечу! — он старался не глядеть на хозяйку, подозревая, что она, за спиной у старика, умирает от смеха и боясь, что и сам тогда не выдержит спектакля. Дед продолжал беситься:

— Ах, же ты, сволота!

— Сам мучаюсь! — покаялся Колдун и, ссадив мальчика, встал. Деду он кивнул на освободившееся место и взял за плечи. Тот сидел, отворотив перекошенное лицо. Ничего страшного в организме старика Колдун не обнаружил. Подзапущенный гастрит, не сильно работающие почки и, как следствие этого, да еще непомерно эмоционального характера — гипертония. Подкинув чуток энергии, Тимофей отошел к своей сумке и принялся вытаскивать склянки и порошки. На бумажке он тщательно расписал, что и когда принимать и собрался уходить, заверив, что вернется завтра:

— До свидания, дед! — гаркнул он, прощаясь, но хозяин предпочел не заметить протянутой руки. Тимофей повернулся к Настасье, — до завтра, звезда моя! — чмокнул он ее в щеку, чем вызвал сдавленный рык за спиной. — Пока, герой! — пожал маленький кулачок ревуно и вышел из избы.

На завтра приехал пораньше, чтобы успеть перемолвиться с Настасьей до схватки с дедом. Хозяйка вышла открыть ему калитку с совершенно растерянным лицом. Тимофей даже испугался — не случилось ли чего с дедком? Он ему, конечно, оставил настои и от нервов тоже, но мало ли! Дело, однако, оказалось совсем в другом.

— Тимофей Филиппович, я даже не знаю, как сказать... — начала Настасья, — ... только теперь...

— Что? — подался вперед Колдун.

— Понимаете, вы вчера как уехали, дядя велел все, как вы написали заварить и ему подавать. И к вечеру у него так улучшилось самочувствие, что он и сам не поверил — отрыжка исчезла, боль, аппетит появился, даже голова унялась! Он сидел с нами за столом, шутил и смеялся и вдруг... — Колдун совсем напрягся:

— Да что?

— Он начал вас хвалить прямо на все лады и взялся уговаривать меня согласиться на замужество!

Тимофей приподнял брови, а потом засмеялся:

— Ну, дедок! Эк его развернуло на сто восемьдесят градусов! Настасья была просто убита:

— Что нам теперь делать-то, Тимофей Филиппович?

— Да-а! — крикнул Колдун. — А чего ты ему на это сказала?

— Да я повела себя, как дура последняя! — совсем расстроилась женщина. — Сначала молчала, а потом резко сказала: «Хватит!» и убежала из кухни.

— О! — Тимофей по-платоновски поднял палец. — Это очень хорошо, звезда моя!

— Чем хорошо-то? — уставилась на него Настасья.

— Есть у меня одна идея! Счас к деду пойдем, ты, главное, сиди и глаз не поднимай, поняла? И не засмейся! А то я тоже не удержусь и тогда хана нам! — собеседница подняла брови и, заулыбавшись, согласилась.

— Как его по имени-отчеству-то? — уточнил Колдун.

Старик встретил Тимофея, как родного сына, соскочил с кровати, усадил гостя в кресло и взялся с удовольствием рассказывать о своих недугах. Тимофей добродушно слушал, кивая головой и советовал пить отвары не пропуская, на что дед выказывал полную готовность.

Настасья пришла с чашками чая на подносике, подала одну дядьке, вторую гостю, третью взяла себе. Больной, понаблюдав за потупившейся племянницей, пошел в наступление:

— Ты, Тимофей, прости, я тебя вчера обругал. Не серчай — человек я старый, нервишки пошаливают. А вот, что ты про Настасью мою вчера говорил, ты серьезно?

Колдун, поставив чашку на подоконник, наклонился к деду:

— Тут такое дело, Степан Михайлович! Я, конечно, к Настасьишке всей душой, но вот она... вы ведь, как бывший высокий начальник, привыкли за настроениями людскими следить и, наверняка, заметили, как племянница ваша в последнее время переменилась? Даже с лица сошла! — Тимофей покосился на розовую, кровь с молоком, мордашку «сообщницы» и прикусил изнутри щеку.

— Ну, заметил! — растерянно сказал дед. — И нервишки у нее совсем никуда негодные!

— Вот-вот! — покивал головой Колдун. — Она все от меня таилась, а сегодня рассказала. Два дня назад приснился ей покойный супруг и шибко он ее ругал за мои посещения! А еще пригрозил мальчика к себе забрать, коли Настасья не уймется!

Старик нахмурился:

— Да что вам по сто лет, в сны-то верить? Мало ли чего привидится? — пробормотал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.